

УДК 94(470)«16/18»

Е.А. Ростовцев

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ФОКУСЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (1860-е – НАЧАЛО 1880-х ГГ.)

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук.

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: rostovtsev@hotmail.ru

В статье анализируются взаимоотношения между властью и российскими университетами в переломную эпоху на рубеже 1870–1880-х годов. Рассмотрены основные мероприятия правительственной политики в «университетском вопросе» через призму событий, происходивших в Санкт-Петербургском университете. Показано, что профессорские корпорации не были готовы выступать в качестве инструмента правительственного контроля, потому что это противоречило не только их политической позиции, но и видению ими «университетского идеала». Особенно ярко эта ситуация проявилась во время кризиса на рубеже 1870–1880-х годов в столичном университете, что подтолкнуло правительство искать выход сначала в ограничении «контроля» над студенчеством (эпоха министров М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова), а затем, после очевидного провала этой политики, – в ограничении «автономии» университетов (устав 1884 г.).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ; ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ; РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ; «ДИКТАТУРА СЕРДЦА»; УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1884 ГОДА; А.А. САБУРОВ; П.П. ПОДБЕЛЬСКИЙ.

Историография, посвященная «университетскому вопросу» пореформенной России [1–4] и Петербургскому университету той поры [5, 6], обширна, однако не все аспекты этой проблематики исследованы в равной степени. Среди вопросов, требующих, с нашей точки зрения, дополнительного изучения, «университетский вопрос» в переходный период, т. е. с начала так называемой «диктатуры сердца» и до издания нового устава. Традиционная точка зрения рассматривает устав 1884 г. как часть политики так называемых контрреформ Александра III [См., например: 7–9]. При этом, несмотря на наметившийся в литературе пересмотр данного положения [См., например: 10, 11], некоторые фактические аспекты той ситуации, в которой шла подготовка устава, остаются в тени. Попробуем дать краткий анализ системы отношений между обществом, студенчеством, преподавательской корпорацией и властью, сложившейся во время кризиса на рубеже 1870–1880-х гг. на примере столичного университета.

На пути к кризису. Комиссия И.Д. Делянова и Петербургский университет

Напомним, что университетский устав 1863 г., отдав университеты «в руки профессоров», создал условия для развития не только университетской науки, но и университетской корпоративности, а также для становления в рамках университетской системы целого ряда организационных структур, возникавших прежде всего благодаря инициативе российской профессуры. В первую очередь это научные общества и их издания, без которых невозможно представить себе развитие российской науки второй половины XIX – начала XX в. Достаточно назвать Московское математическое общество (1864), Московское юридическое общество (1865), Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и Химическое общество при Санкт-Петербургском университете (оба 1868), Физическое общество при Санкт-Петербургском университете (1872), Киевское общество Нестора Летописца (1873) и др. Очевидно,

что по уровню и количеству научной продукции российские университеты 1960-х – первой половины 1980-х гг. оставляют позади Императорскую Академию наук (при этом, правда, надо иметь в виду, что в это время академики начинают сами преподавать в Петербургском университете) и складываются те научные школы, от которых ведет свою историю современная российская наука. Разумеется, впечатляющий рост университетской науки был обусловлен уникальным сочетанием социального и общественного заказа. В литературе, например, высказывались мнения о том, что «нигилистический энтузиазм и вера в науку, помноженная на решимость правительства вкладывать материальные ресурсы в развитие науки, привели к выдающемуся результату: 1860–1870-е гг. стали „золотым веком” русской науки» [12, с. 210; ср.: 13, с. 131–132]. При всей их категоричности, с нашей точки зрения, такие суждения не лишены определенных оснований. Во всяком случае, важно понимать, что для ведущих профессоров российских университетов последней трети XIX в. наука выступала как важнейший фактор социального прогресса, изменения общества к лучшему, поэтому, с одной стороны, служение науке представлялось служением обществу, с другой – появилось убеждение в том, что государство и общество обязаны поддерживать и пестовать фундаментальную науку [Ср.: 14].

Между тем на протяжении всего царствования Александра II студенческий вопрос оставался нерешенным. Одной из «*idée fixe*» императора стала задача правильного воспитания молодого поколения, в решении которой он видел средство для борьбы с революцией. Действительно, русская интеллигентная молодежь являлась основным поставщиком кадров для народнических организаций. После попытки покушения на императора, предпринятой студентом Московского университета Д. Каракозовым 4 апреля 1866 г., и разоблачения Ишутинского кружка Александр отстраняет от руководства Министерством народного образования А.В. Головина и назначает министром консерватора Д.А. Толстого. 26 мая 1867 г. Толстой вводит новые, еще более жесткие правила, устанавливавшие за студенчеством двойной контроль со стороны университетского начальства и полиции. Однако предпринятые Д.А. Толстым меры скорее ведут к обратному результату – российские университеты в конце

1860-х – начале 1870-х гг. становятся постоянной головной болью правительства, а студенчество не только поставляет новобранцев в революционные кружки, но и организует массовые волнения и беспорядки [15]. Толчком к началу массового студенческого движения 1878–1880 гг. послужили демонстрации, состоявшиеся после объявления оправдательного приговора Вере Засулич, покушавшейся на генерала Ф.Ф. Трепова. Радикалам весьма удачно удалось возглавить студенческое движение, объединив гуманистические требования, связанные с прекращением полицейского преследования народовольцев, с требованиями «студенческой автономии» (свободной организации студенческих сходок, кассы взаимопомощи, корпоративных организаций и вообще своих «прав человека») и требованиями пересмотра в этом смысле устава 1863 г. С чувством собственного достоинства в студенческих прокламациях провозглашалось: «Одно из двух: или допускать образование и давать учащимся права, приличные людям высшего образования, или вовсе закрыть все учебные заведения» [Цит. по: 16, с. 327]. После студенческих беспорядков 1878–1879 гг. в сентябре 1879 г. были введены в действие чрезвычайные «Временные правила для студентов», которые регламентировали поведение студентов не только в стенах университетов, но и за их пределами.

Как видим, правительственные репрессии вызывали обратный эффект, ведя к углублению пропасти между властью и обществом. Например, что касается студенчества, то в литературе подчеркивается то обстоятельство, что молодежь, которая массово исключалась из высшей школы и высылалась из столиц, несла пропаганду революционных, народнических идей в провинцию. Таким образом, правительство распространяло революцию «за казенный счет». Невозможность в рамках устава 1863 г. организации легальных студенческих организаций создавала благоприятную почву для революционных организаций, лидеры которых могли направлять активность молодежи в нужное русло. В эпоху Д.А. Толстого стало очевидно и еще одно обстоятельство – либеральная профессура вместе со всем прогрессивным русским обществом составила решительную оппозицию министру. Толстой настаивал на необходимости отказа от «университетской автономии» в той форме, в какой она была закреплена в 1863 г. В 1875 г. по

инициативе министра была даже учреждена комиссия, призванная разработать новый устав. Ее деятельность вызвала огромный резонанс и критическую реакцию в университетском сообществе [См. об этом, например: 17].

Председателем комиссии был назначен член Государственного совета, директор Публичной библиотеки и будущий министр народного просвещения И.Д. Делянов. Комиссия пришла к ряду выводов, общий смысл которых сводился к необходимости срочных и значительных перемен в жизни университетов. Состояние дел в университетах было признано комиссией абсолютно неудовлетворительным. Значительной проблемой, характерной для всех университетов, являлась *«неспособность студентов окончить курс»* (в некоторые годы число «не окончивших» университет превышало число «окончивших») [18, с. 134–135]. Особые претензии были высказаны в адрес столичного университета. Так, комиссия отметила, что в Санкт-Петербургском университете отсутствовала общая информация о студентах (имелись в виду данные об их распределении по специальностям, распределении по сословиям, по месту среднего образования и т.д.) [Там же. С. 135]. По мнению членов комиссии, в университете отсутствовал контроль как за студентами, так и за образовательным процессом. Одной из основных бед университетов была названа бедность студентов, граничившая с нищетой [Там же. С. 137–139]. При этом к выделению бедным студентам стипендий и помощи различных обществ комиссия относилась как к нежелательной практике. По мнению ее членов, профессора в университетах, сочувствуя неимущим студентам, снисходительно относились к ним на экзаменах, тем самым гарантируя им стипендию [Там же. С. 141]. Одновременно комиссия отмечала проблему непрестижности университетского образования [Там же. С. 138]. Обращает на себя внимание подробное описание комиссией проблемы отсутствия контроля за поведением студентов. В этом контексте особые претензии высказывались в адрес столичного университета. Так, комиссия с неудовольствием констатировала, что в карцер студентов университета не заключали с 1866 г., а за 10 лет было всего 7 выговоров и замечаний от ректора (при том что случаев задержания студентов полицией с последующим

преданием суду за тот же период в среднем происходило по 5-6 в год) [Там же. С. 143]. Важной проблемой университетов, отмеченной комиссией, была разобщенность между студентами и разобщенность между студентами и профессорами, на что указывали последние [Там же. С. 142]. Подробно комиссия останавливалась и на проблемах преподавания. Было обращено внимание на существовавшую ситуацию, когда не было учебных планов, студентам читалось недостаточное число лекций, а профессора не составляли отчеты о своей работе, — все это, по мнению членов комиссии, отражало снижение качества образования [Там же. С. 148].

«Диктатура сердца» или казус Подбельского

Однако долгое время мечты Д.А. Толстого, связанные с пересмотром норм устава 1863 г., так и оставались мечтами. Причиной тому, конечно, был новый курс верховной власти, осуществлявшийся во время «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. Именно в это время последовала последняя в александровское царствование смена министров. Отставка Д.И. Толстого и его замена на либерала А.А. Сабурова произошли в апреле 1880 г. Новый министр не замедлил с либеральными шагами — помилованием ряда сосланных студентов, возвращением их в университеты, проектом о предоставлении студентам ограниченных корпоративных прав. Впервые правительство попыталось не просто контролировать студенчество, но и бороться за его симпатии с революционными элементами, которые также не дремали. Радикалы чувствовали, что их время уходит, и пытались обострить ситуацию любым способом, взорвать ее. Характерна в этом отношении ситуация в Петербургском университете. Здесь при содействии «Народной воли» в 1880 г. был создан «Центральный кружок студентов Петербургского университета», который в начале 1880-х гг. активно вел нелегальную революционную работу [19, с. 84; ср.: 20, с. 340–342]. Решающие события развернулись 8 февраля 1881 г. на очередном торжественном акте, посвященном основанию университета. Годовой отчет университета читал в присутствии 4 тыс. человек (преподавателей и студентов) профессор А.Д. Градовский (известный юрист и историк, либерал). В президиуме, кроме ректора А.Н. Бекетова, — министр А.А. Сабуров.

После прочтения отчета студент Л.М. Коган-Бернштейн произнес речь, подготовленную А.И. Желябовым. В своей речи он клеймил антинародную политику правительства, с хоров в зал была брошена «Прокламация Центрального университетского кружка». В ней, в частности, говорилось: «Правительство свыклось за последнее время с мыслью, что студенчество не способно больше к жизни, что в нем нет ни политического смысла, ни гражданского мужества, короче говоря, что оно деморализовано до мозга костей. На единодушное заявление всех высших учебных заведений оно отвечает лишь полным пренебрежением. Но среда студенчества не обезличена, в ней таится скрытая сила, которую нельзя ни подавить, ни привести к вырождению. Эта сила могучая, страшная, она не согнет своей выи под игом железного деспотизма, прикрытого посулами и подачками, не откажется от политической и гражданской жизни. Для нее не существует компромиссов. <...> Над Сабуровым произносится приговор. Студенчество клеймит наглого лицемера, срывает мантию эффектного блеска, открывает убожество и немощь всей безнравственной политики правительства по отношению к студенчеству и заявляет, что на пренебрежение и гнусную ложь у всего молодого и мыслящего — один ответ, одна достойная кара: позор!» [Цит. по: 21, с. 114].

Этого зачинщикам показалось мало, и студент П.П. Подбельский, воспользовавшись царившей неразберихой, неожиданно нанес министру Сабурову оскорбление действием. По свидетельству очевидца, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение; студенты вскакивали на стулья, кричали, размахивали руками; тот, кто в красной рубаше, вспрыгнул на подоконник и оттуда ревел: „долой Сабурова“... Ему в ответ кто-то вопил: „Подлецы, мерзавцы, позор!..“» [Цит. по: 22, с. 69]. В общем, скандал получился, что называется, на славу. Как и следовало ожидать, надзиратели кинулись за зачинщиками, но «солидарные» студенты «оттеснили» их. Таким образом, народовольцы знали, что делали, играя на студенческой солидарности. В то же время вряд ли они ожидали даже в этом эпизоде столь существенного отпора со стороны вменяемой молодежи. По воспоминаниям другого участника событий, после акта «все „благомыслящие”

студенты выстроились в два ряда в коридоре, и, когда министр с ректором и профессорами проходили мимо них, они сопровождали его аплодисментами и приветственными криками... Странная была демонстрация, и странно, должно быть, чувствовал себя объект ее — министр народного просвещения» [Там же]. На следующий день обиженные народовольцы опубликовали очередную прокламацию, где обвиняли «начальство» в расколе студенческого движения.

Показательно, что и после этого случая министр и администрация университета пытались свести репрессии против зачинщиков беспорядков на акте к минимуму. В первом заседании Совета, состоявшемся по горячим следам, беспорядки на акте, длившиеся не менее 20 минут, описываются следующим образом: «8 февраля, после прочтения отчета, принятого с громкими аплодисментами, на хорах актовой залы слышался голос какого-то лица, стремившегося нарушить порядок речью и бросанием листов. Ректор позвонил и обратился к студентам с указанием необходимости заставить замолкнуть пытавшегося нарушить порядок. Студенты выполнили желание ректора и, сколько ни пытался говоривший на хорах, поддерживаемый несколькими голосами, помешать ходу акта, студенты заставили его замолкнуть, и акт был продолжен» [23, с. 23].

Показательно, что в последующем процессе в университетском суде профессора констатировали, что обвинительный приговор в отношении всех участников беспорядков, за исключением Л.М. Когана-Бернштейна, основывается на «самообвинении». Так, одному из главных персонажей скандала — студенту П.П. Подбельскому пришлось настаивать на том, чтобы его привлекли к суду, и доказывать сам факт нанесения «оскорбления действием» министру. О реакции самого А.А. Сабурова на действия юного хулигана мы можем судить по воспоминаниям С.Ф. Платонова, в то время студента историко-филологического факультета, который был свидетелем инцидента и «хорошо заметил, с каким самообладанием и спокойствием Сабуров перенес постигшую его неприятность. Он сидел в кресле и на шум, начавшийся на хорах, повернул голову влево и вверх. В это время последовал удар от быстро промелькнувшего за его спиной справа налево человека низкого роста и с черной бородой.

Направленный в правую щеку, удар пришелся в затылок... Ректор призвал публику к порядку, и акт продолжался» [24, с. 126]. Очевидно, что ни сам министр, ни ректор решительно не хотели придавать инциденту значения.

Не дождавшись привлечения к ответственности, возмущенный Подбельский написал ректору письмо, которое тот вынужден был огласить на заседании правления университета, а затем на университетском суде. В письме, как передает протокол заседания университетского Совета, Подбельский настаивал на том, что «будто бы нанес г. Управляющему Министерством народного просвещения удар по лицу по поводу неисполнения им желаний студентов» [25, с. 31–32]. Интересно, что этот факт вызвал у судей, на глазах которых происходил инцидент, большие сомнения. В ходе прений обсуждалась личность двадцатилетнего П.П. Подбельского, то, что он окончил гимназию с золотой медалью, что он старший сын православного священника, у которого еще семеро детей, что он ранее посещал университет весьма прилежно и до этого дня в беспорядках замечен не был. Показательно, что профессорам во главе с председательствующим юристом Н.С. Таганцевым в голову не пришло обратиться с каким-либо запросом к А.А. Сабурову, зато была опрошена, например, жена одного из судей – профессора А.С. Фаминцына, доценты И.И. Боргман и Н.А. Гезухус, смысл показаний которых сводился к тому, что какой-то молодой человек подбегал к министру и «делал движение рукою сверху вниз», но «нанести удара ни в коем случае не мог», а если и мог, то только задев министра сзади, а никак не по лицу. Интересно, что, по заявлению И.И. Боргмана, студент, который «подбегал к министру», «с трудом прорвался сквозь толпу, которая хотела его задержать». В конце концов суд, констатировав, что «самообвинение г. Подбельского... не подтвердилось в заявленной форме», признал-таки его виновным в беспорядках, а относительно удара констатировал, что он виновен в деянии, предусмотренном статьей 285 Уложения о наказаниях, или покушении на него. Было постановлено: П.П. Подбельского из университета исключить и препроводить копию приговора общему уголовному суду [Там же. С. 32–34]. Университетский же Совет во всем происшедшем видел вину низших чинов инспекции университета [Там же. С. 34].

Казус Подбельского с очевидностью демонстрирует: университетская корпорация прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы не замечать того обстоятельства, что университет является центром открытой революционной фронды, признание чего не только помешало бы либеральным мероприятиям министерства, но и противоречило идеалам большинства профессоров, воспринимавших как единую академическую общность профессоров и студентов, что, в свою очередь, исключало возможность «выдачи» членов корпорации властям без «самообвинения», как это было в деле Подбельского.

Корпорация и студенчество после 1 марта 1881 г.

Как известно, точку в либеральной политике Министерства народного просвещения поставил взрыв бомбы, брошенной студентом Технологического института И. Гриневицким 1 марта 1881 г. Он оказался смертельным и для самого студента, и для императора. Не случайно отставка министра А.А. Сабурова оказалась первой в череде отставок «либеральных бюрократов», которые принял Александр III.

Интересно, что за этими событиями не последовало ни немедленного пересмотра устава, ни каких-либо репрессивных мер против высшей школы. Министром народного просвещения был назначен барон А.П. Николаи – сторонник умеренного направления в отношении университетов. Не готова была капитулировать перед властью и высшая школа. Так, сформированная 4 марта 1881 г. в Петербургском университете комиссия по «обсуждению мер для водворения в университете строжайшего порядка» (профессора В.В. Бауер, Н.А. Меншуткин, Ю.Э. Янсон, В.П. Васильев, Н.С. Таганцев, В.Г. Васильевский, А.А. Иностранцев, В.И. Сергеевич, К.Ф. Голстунский) [26, с. 43] пришла к выводу, что основная причина студенческих беспорядков как раз и кроется в тех ненормальных условиях полицейского надзора, в которые поставлена учащаяся молодежь [См. об этом: 21, с. 114–115].

События 1 марта 1881 г. и связанные с ними репрессии, обрушившиеся на нелегальные организации, лишь на время приостановили деятельность «Центрального кружка». Уже весной 1882 г. он возобновил свою деятельность (издание нелегальной литературы, прокламаций,

организация политических демонстраций студенчества). После разгрома кружка полицией в конце 1882 – начале 1883 г. он прекратил свое существование в прежнем виде, но на его «осколках» оставшимися на свободе членами кружка (П. Якубович, А. Гаусман) осенью 1883 г. был создан так называемый Студенческий союз молодежи партия «Народная воля», подхвативший «знамя» революционной борьбы [См.: 27, с. 44–45].

Профессорская коллегия в этих условиях занимала последовательно либеральную позицию. Один из ее видных членов – физиолог И.М. Сеченов вспоминал, что, когда студентов, замешанных в беспорядках, стали лишать права поступления на государственную службу, т. е. лишали «прав за дисциплинарные поступки», «профессорская коллегия не сочла себя вправе молчать»: «По предложению некоторых профессоров была образована комиссия для рассмотрения дела и составления защитительной докладной записки министру, что и было сделано. В Совете нашлось только два человека, не подписавших этой записки. <...> Кончилось, конечно, ничем – министр ответил выговором коллегии и замечанием, что забота о судьбе студентов предоставлена начальству, а не профессорам» [28, с. 161–162].

Этот эпизод, с одной стороны, с достаточной четкостью показывает высокую степень единства университетской корпорации, с другой стороны, характеризует либеральный характер ее политической позиции. Впрочем, некоторые члены корпорации не ограничились выражением коллективной позиции и открыто выступили с демонстрацией неприятия курса нового императора. Так, университет покинул крупнейший русский философ религиозно-либерального направления В.С. Соловьев, перед этим безуспешно призывавший помиловать убийц Александра II.

В таких условиях идеолог будущих контрреформ М.Н. Катков не преминул обрушиться с критикой на университеты как на островки «конституционного режима в самодержавном государстве» [29]. В марте 1882 г. министром народного просвещения был назначен И.Д. Де-

лянов, и давнишние планы новой университетской реформы снова встали на повестке дня. Впрочем, их реализация вряд ли могла решить «университетский вопрос», а скорее только усложнила его, поскольку рядом с оппозиционным студенчеством встали профессорские коллегии, начавшие бескомпромиссную борьбу с властью за возвращение «автономии» [30, 31].

Итак, устав 1863 г. предопределил ту противоречивую роль, которую российские университеты играли в годы «великих реформ». С одной стороны, университеты действительно превращались в «храмы науки» (а их преподаватели – в особое привилегированное «ученое сословие») и становились основным центром подготовки интеллектуальной и политической элиты страны. С другой стороны, попытки полицейского контроля над студентами в «храмах науки» не только не нашли поддержки у «ученого сословия», но и явились контрпродуктивными, способствовали формированию оппозиционных настроений у молодого поколения «образованного класса». Да и сам полицейский контроль в университетах в условиях «автономии» не мог быть эффективным. Профессорские корпорации не были готовы выступать в качестве инструмента правительственного контроля, потому что это противоречило не только их политической позиции, но и видению ими «университетского идеала». Особенно ярко эта ситуация проявилась во время политического кризиса 1870–1880-х гг., что подтолкнуло правительство к поиску выхода сначала в ограничении «контроля» над студенчеством (эпоха М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова), а затем, после очевидного провала этой политики, – в ограничении «автономии» (устав 1884 г.). Последнее решение, однако, также нельзя назвать удачным. Оно побудило российское «ученое сословие», уже привыкшее к своему привилегированному положению, начать борьбу за «автономию» университетов – борьбу, которая станет важной частью программы русского «освободительного движения» на рубеже XIX и XX вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, грант № 5.38.98.2012 («Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Университетская** идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология: учеб. пособие для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011.
2. **Профессорско-преподавательский** корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012.
3. **Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.** Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
4. **Сословие** русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013.
5. **История** Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. URL: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (дата обращения: 05.06.2014).
6. **Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.** Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. № 7 (67). С. 47–62.
7. **Щетинина Г.И.** Университеты России и устав 1884 г. М., 1976.
8. **Иванов А.Е.** Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Гос. руководство высш. шк. в дореволюц. России и СССР. М., 1979. С. 148–169.
9. **Он же.** Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX в. // Историограф. и истор. проблемы рус. культуры: сб. статей / отв. ред. Л.Н. Пушкирев. М., 1983. С. 176–177.
10. **Биошкина Н.И.** Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы рос. права. 2010. № 3. С. 37–43.
11. **Ростовцев Е.А.** Университетская реформа 1884 г. в Санкт-Петербургском университете // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2013. № 2. С. 139–145.
12. **Koblitz A.H.** Science, Women and the Russian Intelligentsia: The Generation of the 1860s // *Isis*. 1988. Vol. 79, no. 2. P. 208–226.
13. **Brower R.** Daniel Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia. Education and the State in Tsarist Russia by Patrick L. Alston; Tolstoy on Education by Leo Wiener; Russia's Educational Heritage by William H.E. Johnson // *History of Education Quarterly*. Vol. 10, no. 1 (Spring, 1970). P. 127–136.
14. **Vuchinich A.** Mendeleev's Views on Science and Society // *Isis*. 1967. Vol. 58, no. 3. P. 342–351.
15. **Ростовцев Е.А.** Украшение и раздражение империи: «великие реформы» и «университетский вопрос» // Родина. 2014. № 4. С. 27–29.
16. **Россия** в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг.: коллективная моногр. / отв. ред. Б.С. Итенберг. М., 1983.
17. **Котов А.** «Пресмыкающийся профессор» против университетской автономии // Гефтер. 24.07.2012. URL: <http://gefeter.ru/archive/5471#anchor1> (дата обращения: 04.04.2014).
18. **Университетский** вопрос (Извлечение из материалов, собранных отделом Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего Устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года // ЖМНП. 1876. Ч. 187. Отд. IV.
19. **История** Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969.
20. **Волк С.С.** Народная воля. М.; Л., 1966.
21. **Кушков Н.Г.** На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений) // Вестн. ЛГУ. 1946. № 3. С. 112–117.
22. **Щетинина Г.И.** Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987.
23. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний Совета С.-Петербур. (Императорского) ун-та за вторую половину 1880/81 академического года. СПб., 1881. № 24.
24. **Платонов С.Ф.** Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. № 2. С. 104–133.
25. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 12 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний совета С.-Петербур. (Императорского) ун-та за вторую половину 1880/81 академического года. СПб., 1881. № 24.
26. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 4 марта 1881 г. // Там же.
27. **Жуйкова Р.Г.** Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Вып. II. Л., 1968. С. 41–51.
28. **Сеченов И.М.** Профессорство в Петербургском университете (1876–1888) // Ленингр. ун-т в воспоминаниях современников. В 3 т. Т. I. Петерб. ун-т. 1819–1895. Л., 1963. С. 161–162.
29. **Московские** ведомости. 1882. 9 августа.
30. **Ростовцев Е.А.** Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.
31. **Он же.** Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. 2013. № 10. С. 57–64.

E.A. Rostovtsev

ST. PETERSBURG UNIVERSITY IN THE FOCUS OF GOVERNMENT POLICY (1860s – EARLY 1880s)

ROSTOVITSEV Evgeniy A. – *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: rostovtsev@hotmail.ru

This article analyzes the relationship between the government and Russian universities at the turn of the pivotal era of 1870s–1880s. The author examines the main activities in the government policy with regard to the “university issue” through the prism of the events that took place in St. Petersburg University. The article shows that the professorial corporations were not ready to act as an instrument of government control because not only it contradicted their political position, but also their ideas of the “Ideal of the University”. This situation was especially brightly reflected during the crisis at the turn of 1870s–1880s. The capital city university that encouraged the government to look for a way first in limiting “control” over the student body (the era of Ministers of Loris-Melikov and Saburov) and then, after the obvious failure of these policies – to limit the “autonomy” of universities (Regulations 1884).

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF EDUCATION; HISTORY OF HIGH SCHOOL;
THE REVOLUTIONARY MOVEMENT; UNIVERSITY STATUTE OF 1884; A.A. SABUROV;
P.P. PODBELSKY.

REFERENCES

1. *Universitetskaya ideya v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka. Antologiya* [University idea in the Russian Empire XVIII – early XX centuries]. The Anthology. Moscow, 2011. (In Russ.)
2. *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Faculty body of Russian universities. 1884–1917: Studies and documents]. Tomsk, 2012. (In Russ.)
3. Vishlenkova Ye.A., Galiullina R.Kh., Ilina K.A. *Russkiye professora. Universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors. University corporate or professional solidarity]. Moscow, 2012. (In Russ.)
4. *Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [Class of Russian professors. Creators status and meanings]. Moscow, 2013. (In Russ.)
5. [History of St. Petersburg University of XVIII–XXI centuries. Materials for comprehensive bibliography]. Available at: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovtsev/Bibliogr_2012.pdf (accessed 05.06.2014).
6. Rostovtsev E.A., Barinov D.A., Krivonozhenko A.F., Sidorchuk I.V. [Academic Corporation Metropolitan University (1884–1917) at the focus of historiography]. *Clio*, 2012, no. 7 (67), pp. 47–62. (In Russ.)
7. Shchetinina G.I. *Universitety Rossii i ustav 1884 g.* [Russian universities and the Statute 1884]. Moscow, 1976. (In Russ.)
8. Ivanov A.Ye. [University policy of the Russian autocracy in the late XIX – early XX century]. *Gosudarstvennoye rukovodstvo vysshey shkoly v dorevolyutsionnoy Rossii i SSSR* [State coordination of institutes of Higher education in pre-revolutionary Russia and the USSR]. Moscow, 1979. Pp. 148–169. (In Russ.)
9. Ivanov A.Ye. [Administration of institutes of Higher education of Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Istoriograficheskiye i istoricheskiye problemy russkoy kultury* [Historiography and historical problems of Russian culture]. Moscow, 1983. Pp. 176–177. (In Russ.)
10. Biyushkina N.I. [Policy of Alexander III in Education]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, 2010, no. 3, pp. 37–43. (In Russ.)
11. Rostovtsev E.A. [University reform in 1884 in St. Petersburg University]. *St. Petersburg State Polytechnical Univ. J. Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 2, pp. 139–145. (In Russ.)
12. Koblitz A.H. Science, Women and the Russian Intelligentsia: The Generation of the 1860s. *Isia*, 1988, vol. 79, no. 2, pp. 208–226.
13. Brower R. Daniel Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia. Education and the State in Tsarist Russia by Patrick L. Alston; Tolstoy on Education by Leo Wiener; Russia's Educational Heritage by William H.E. Johnson. *History of Education Quarterly*, vol. 10, no. 1 (Spring, 1970), pp. 127–136.

14. Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society. *Isis*, 1967, vol. 58, no. 3, pp. 342–351.
15. Rostovtsev E.A. [Decoration and irritation of Empire “great reforms” and “university question”]. *Rodina*, 2014, no. 4, pp. 27–29. (In Russ.)
16. Rossiya v revolyutsionnoy situatsii na rubezhe 1870–1880-kh gg. [Russia in a revolutionary situation at the turn of 1870–1880s]. Moscow, 1983. (In Russ.)
17. Kotov A. [“Creepy Professor” against university autonomy]. *Gefter*. 24.07.2012. Available at: <http://gefter.ru/archive/5471#anchor1> (accessed 04.04.2014).
18. [University question (Extract from the materials collected by Department of Commission to review the General Statute of Russian universities, while visiting them in September, October and November 1875)]. *ZhMNP*, 1876, pt. 187. IV. (In Russ.)
19. *Istoriya Leningradskogo universiteta. Ocherki. 1819–1969* [History of Leningrad University. Essays. 1819–1969]. Leningrad, 1969. (In Russ.)
20. Volk S.S. *Narodnaya volya* [Popular will]. Moscow, Leningrad, 1966. (In Russ.)
21. Kushkov N.G. [Act on February 8, 1881 (From the history of student unrest)]. *Vestnik LGU*, 1946, no. 3, pp. 112–117. (In Russ.)
22. Shchetinina G.I. *Studenchestvo i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii. Poslednyaya chetvert' XIX v.* [Students and the revolutionary movement in Russia. The last quarter of the XIX century]. Moscow, 1987. (In Russ.)
23. [Minutes of an emergency meeting of the Council St. Petersburg University. February 8, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)
24. Platonov S.F. [Few memories of student years]. *Dela i dni*, 1921, no. 2, pp. 104–133. (In Russ.)
25. [Minutes of an emergency meeting of the Council St. Petersburg University. February 12, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)
26. [Minutes of an emergency meeting of the Council St. Petersburg University. March 4, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)
27. Zhuykova R.G. [Revolutionary student circles of St. Petersburg University 80s of the XIX century]. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. Leningrad, 1968. Vol. II. Pp. 41–51. (In Russ.)
28. Sechenov I.M. [Professorship at the University of St. Petersburg (1876–1888)]. *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. T. I. Peterburgskiy universitet. 1819–1895* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries in three volumes]. In 3 vol. Of vol. 1. Petersburg University. 1819–1895. Leningrad, 1963. Pp. 161–162. (In Russ.)
29. *Moskovskie vedomosti*. 1882, August 9. (In Russ.)
30. Rostovtsev E.A. [Russian “mandarins”. Metropolitan professors, students and power in the early twentieth century]. *Rodina*, 2010, special iss. [Education in Russia: yesterday, today and tomorrow], pp. 47–52. (In Russ.)
31. Rostovtsev E.A. [Capital University in the focus ministerial policy (1884–1890)]. *Clio*, 2013, no. 10, pp. 57–64. (In Russ.)